

ЭКСПЛИКАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ АТАРАКСИИ В РОМАНЕ И. ГОНЧАРОВА "ОБЛОМОВ"

EXPLICATION AND CONCEPTUALIZATION of ATARAXIA IN the NOVEL by I. GONCHAROV "OBLOMOV"

Sun Lizhen

Annotation

This article examines a form of explication and conceptualization of Ataraxia in the art, the example of I. A. Goncharov's novel "Oblomov". Identified impersonated the archetypal problem of aesthetics Ataraxia in I. A. Goncharov's novel "Oblomov".

It is proved that Ilya Ilyich was a true epicurean, that skepticism Oblomov is the transcendental despair, psychologically is a state of Ataraxia, no rebellion, inaction is an act, not a spiritual death, and peace.

Keywords: Ataraxia, harmony, aesthetic activities, the individual, the Epicureanism.

Сунь Личжэнь
К.филол.н., доцент,
Суйхуаский университет,
г. Суйхуа, Китай

Аннотация

В статье исследуется форма экспликации и концептуализации атараксии в искусстве на примере романа И. А. Гончарова "Обломов". Выявлена олицетворенная архетипическая проблема эстетики атараксии в романе И. А. Гончарова "Обломов".

Доказывается, что Илья Ильич был настоящим эпикурейцем, что скепсис Обломова является трансцендентальным отчаянием, психологически – это состояние атараксии, отсутствие мятежности, бездействие как деяние, не духовная смерть, а покой.

Ключевые слова:

Атараксия, гармония, деятельность эстетическая, индивид, эпикуреизм.

Исследование проблемы атараксии совершенствуется понимание осуществления индивидуально-субъективной формы переживаний человеком окружающей объективной действительности в эстетической сфере общественного бытия.

Атараксия – душевное спокойствие, невозмутимость, безмятежность, по мнению некоторых древнегреческих философов, достигаемая мудрецом. [1]

Анализ атараксии можно сделать с привлечением работ, которые не разрешают непосредственно проблеме атараксии, а посвящены исследованию внутреннего состояния человека. Свообразным наглядным пособием по проблеме атараксии служит произведение И. А. Гончарова "Обломов", в котором проблема атараксии раскрывается посредством образных литературных средств, а не понятийного аппарата философии.

Человек ищет свою истину не только в философии, но и в искусстве. Едва ли не наибольшие возможности из всех видов искусства в познании человека в поиске гармонии, меры и эвритмии с миром имеет художественная литература. Проблема гармонии во все времена волновала писателей.

Художественная литература постоянно ставила "извечные" философские вопросы. Философичность лите-

ратуры может проявляться в различных формах. В одних произведениях она представлена в открытой форме, через высказывания героев, которые могут быть включены в литературные произведения, поскольку они несут в себе какую-либо философскую мысль. Философичность можно выразить и по-другому: в этом случае читатель или узнает знакомые для него идеи или ощущает их философичность. Однако, чтобы философичность стала ощутима, философская идея, переданная в произведении, должна отвечать следующим требованиям: быть более или менее инвариантной, глубоко укоренившейся в человеческий опыт, иметь архетипический характер.

Такой архетипический характер имеет идея гармонии человека и мира, душевной гармонии личности. Эта идея присуща не только философии, но и искусству. Потому и литературные произведения, которые отражают и предлагают пути нахождения индивидуальной гармонии столь долговечны. Мы говорим о таком произведении классической литературы, как "Обломов" И. А. Гончарова, поскольку считаем, что в нем, как ни в каких других произведениях русской литературы, затронуты проблемы вечные и вневременные, а главное, касающиеся нашего исследования атараксии с точки зрения гармонии, меры и уравновешенности.

В самом деле, здоровый человек постоянно разлежся на диване: спит, ест, снова спит, и запоминается только

это, даже если роман до конца не дочитан – то, что лежит, запомнилось на всю жизнь.

Илья Ильич как настоящий эпикуреец находил для себя утешение в бескорыстном и чисто эстетическом любовании предельными идеалами замкнутой в себе и сосредоточенной в себе безмятежности. Он отличается чрезвычайно благородным, спокойным, уравновешенным и созерцательным характером. Так почему мы помним этого эпикурейца? Почему его поведение нас так задевает?

И.А. Гончаров в романе "Обломов" поднимает архетипический вопрос, по сути, вопрос поиска индивидом гармонии действия и созерцания, действия и рефлексии. Возможно ли гармоничное сочетание деятельности "на благо" человека с последствиями этой деятельности, порой страшными, суетливой борьбой за власть и блага с душевными равновесием и счастьем?

И. А. Гончаров, как и любой интеллигент середины XIX века, был хорошо знаком с работами немецких философов-рационалистов Канта, И.-Г. Фихте, Ф.-В.-Й. Шеллинга, их идеи нашли отражение в творчестве писателя. Роман "Обломов" не дает конкретных ответов на смысловые жизненные вопросы, И. А. Гончаров не ведет пространственных философских рассуждений о роли и назначении человека. Это не чисто философский роман. Однако, это и не просто набросок действительности, в котором сведены вместе несколько помещиков для типизации главного героя.

Образ Ильи Ильича становится "вечным образом" – персонажем, который вышел за пределы романа, которого можно встретить в различных литературных произведениях. Имена таких персонажей становятся нарицательными, нередко употребляются как эпитеты, характеризуют какие-то качества личности человека или другого литературного персонажа. Эти персонажи потеряли свое чисто литературное значение и приобрели общечеловеческое. Обломов – вечный образ, потому что все мы немного Обломы, хотя и каждый на свой лад. [2]

Ранее было отмечено, что главного героя воспринимают не иначе, как сонного ленивца. Но "сон" Обломова, его "активное" бездействие надо объяснить.

Мы рассматриваем атаксию как гармонию, меру и уравновешенность в контексте мироотношения, а, как известно, человек деятельностью либо отсутствием таковой в состоянии привести окружающий мир и собственное душевное состояние к гармонии либо к дисгармонии.

Как известно, деятельность – это "не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение,

собственные внутренние переходы и превращения, собственное развитие" [3, 82]. Со времен немецкой классической философии европейская культура восприняла новую концепцию личности, для которой были характерны рациональность, инициатива и активность в различных направлениях. Тогда же возникли предпосылки понимания деятельности как основы культуры в целом, утвердилось понятие деятельности как мировоззренческого, или объяснительного принципа [4]. Первые шаги к такому видению сделал Кант, но статус общего основания культуры деятельности придал И.-Г. Фихте. То, что Кант считал присущим божественному интеллекту – создание бытия одним лишь актом его созерцания, – у Фихте приобретает атрибут самосознания. Природу, которая принадлежит нам как независимая от нас данность, по Фихте, надо понимать как продукт "Я" личности. Этим философ расширяет постулаты кантовской философии, придавая им универсальность и конструируя предпосылки для гегелевской философии тождества мышления и бытия.

Фихте разрабатывал монистическую систему, в которой деятельность предстает как единое начало, из которого должно происходить все сущее. Реально существующей может быть лишь деятельность, составляющей которой – причину и следствие – следует понимать с помощью синтетического единства как единое целое. Откуда вытекает вывод, что хуже всего, по Фихте, – отсутствие деятельности, бездействие, инерционность, от которых рождаются подлость и лицемерие. Философ считал, что вся история человеческого рода – это вечное стремление к идеальной гармонии, и лишь деятельность, вкупе со способностью к рефлексии могут создать духовную гармонию. В идеале творческая деятельность является главной защитой личности от духовного опустошения, никчемности и однообразия бытия. Деятельность в любой форме, даже простая физическая активность, являются попыткой преодолеть беспокойство, которое образует неявный фон любой человеческой деятельности. [5]

Как известно, человеческое развитие тесно связано с духовным беспокойством личности, которое нередко становится привычкой, поведенческим и мыслительным стереотипом, что, как правило, сводит на нет все духовные достижения индивида. Вот тут-то и вступает в дело рефлексия, позволяющая человеку подняться над ответственностью его побуждений, подчинить природные наклонности волевому усилию. Помимо этого, рефлексия формирует представления о должном, рождает мечты, которые способствуют душевной стойкости, и, в конце концов, сама становится двигателем творческой деятельности. Именно поэтому Фихте постоянно противопоставляет рефлексии деятельности, чтобы каждый раз возникал новый синтез, следствием которого становилась новая гармония, как наивысшая форма деятельнос-

ти, не сводящаяся к предыдущему уровню беспокойства.

Возвращаясь к роману, можем сказать, что Илью Ильич и его "золотое" сердце – лучшее порождение окружающей героя среды. Обломова недаром сравнивают с Гамлетом, который, как и Обломов, был всегда в поисках какого-то идеала. Обоих не устраивает текущая жизнь, оба хотят чего-то большего, стремятся к неведомому идеалу, который далеко, – и погибают. [6]

Попробуем выделить общие причины бездействия Обломова. Первая из них – собственно "обломовщина", или совокупность панства, лени, отсутствия навыков самообслуживания, привычки жить за счет слуг, незнания жизни, стремления отгородиться от всего. Обломов осознает все перечисленное и страдает.

Другая причина – глубже, объясняет первую – желание находиться в том беззаботном, безмолвном спокойствии души, при котором размеренное удовлетворение потребностей организма привело бы к полному отсутствию всяческих страстей и сложностей.

Для Обломова как для настоящего эпикурейца слишком скучными являются дела и занятия, любая активность – политическая, общественная, личная. Ему дорого только спокойствие, только внутреннее спокойствие самоудовлетворения, счастливая пустота от любых страстей и дел. Это наслаждение спокойствием требует огромной аскезы, воздержания от всего беспокойного. Не надо ни чем заниматься – ни наукой, ни искусством, – потому что такие занятия приносят заботы, неудачи и всевозможные волнения в жизни души, которая мечтает лишь погрузиться в себя и позабыть про остальное. Тем более не стоит заниматься общественными делами, а только безмолвным эстетическим самонаслаждением, лежа на диване.

Главное для эпикурейца Обломова – это внутренний покой его личности, равномерно самонаслаждающейся данным ее бытием. Но Илья Ильич под влиянием Штольца действительно ведет трагическую борьбу с обломовщиной в самом себе. У героя богатая натура, много потенций, силы. Недаром некоторые критики сравнивают его с Ильей Муромцем. В отношении к жизни и людям у обоих в наличии схожие черты: доброта, милосердие, незлобивость. И тот, и другой сидят "без движения" до "возраста Христа", когда оказываются вовлечены в какие-либо события. [7]

У Обломова есть внутренние, субъективные переживания, но отсутствует трагизм внутренней борьбы. Все происходящее с ним происходит только под внешним воздействием, а, как известно, что источником развития может стать лишь внутреннее противоречие.

Однако, мир несовершенен и исправить его не удастся, потому нет повода и пытаться – вот прекрасное оправдание бездействия и постоянного пребывания в неге. Такое мнение было особенно популярно в годы, которые публицистика называет "застойными", когда образ Обломова не раз трактовали как положительный, в котором выражено "кредо недеяния": "За бездействием Обломова видим не только природную лень, воспитанное с детства иждивенчество, но и апатию – результат разочарования разумного и честного человека в самой возможности этой деятельности" [8, 38–39].

Столичный фронт Волков, чиновник и карьерист Судьбинский, желчный литератор и вульгарный обличитель Пенкин тоже пытаются "разбудить" Обломова. Вот такое окружение могло быть в жизни Обломова, если бы он "пробудился". И его жизнь была бы наполнена пустым и суетливым движением – светские развлечения, погоня за карьерой, извечная беготня наперегонки, вечная игра дурных страстей, особенно жадности, сплетни, пересуды.

Обломов, прекрасно осознавая собственное бессилие и нежелание что-либо изменять в существующей действительности, принял позицию невмешательства. Ему не присущи мучительные душевные переживания, он добр и ласков, обладает "золотым сердцем", за которое его и полюбила Ольга. Отношения с внешней средой у Ильи Ильича также довольно устойчивые. Как ни старались Штолец и Ольга повлиять на него, итогом оставался прежний знаменитый халат и возлежание на диване – том самый знаменитый образ круга, который характеризует гармонию меры. Стремление к "точке покоя" – так выстроена композиция романа.

Казалось бы, является гармоничной личностью именно Штолец, с его бурной деятельностью, обладатель рационального ума и практичности, который, к тому же, и сам утверждает, что он счастлив. Но постоянное включение в деятельность, не одушевленное пониманием ее содержания, грозит обесцениванием жизни и даже немного циничным отношением к ней.

Как бы там ни было, Обломове предстает перед нами не только как помещик, а, в первую очередь, как человек. Человек, который не находит гармонию в жизни, предьявляет своему другу обоснованные обвинения, порой ставя его последнего в тупик наивными, но по сути извечными вопросами о смысле деятельности, о ее моральной, гуманной цели, о ее направленности на человека. Но рефлексия Обломова не приводит к активной деятельности, а активная деятельность Штольца не является рефлексивной.

Возвращаясь к роли деятельности в гармонизации человеческого бытия, следует отметить, что бездействие может привести к гармонии, если ее понимать согласно

китайской философии, в которой недеяние – это не просто отказ от действия, но отказ от насилия как над собственной природой, так и природой в целом. Недеяние – это вечная готовность поиска собственного пути в бытийном потоке, а не бездумное бросание в омут деяний. [9]

Стержень самобытной философии недеяния – в призыве соблюдать мировую гармонию. И в этом смысле недеяние можно расценивать не как реальное бездействие, а как несогласие с общепринятой имитацией деятельности, стремление выскользнуть из круговерти бессмысленной суеты. Для чего ломать стену, если к каждой двери существует тайный ключ? Для чего рубить "гордые узлы" там, где лучше просто отложить меч, либо вообще не брать его в руки? Это не только позиция, это – протест.

Обломов не хочет действовать в ущерб собственному нравственному достоинству. На что Штольц категорически заявляет, что это не жизнь, что это – обломовщина. Обломов в ответ, защищаясь, говорит, что не все ли добиваются того же, о чем он мечтает? И цель всего – страстей, войн, торговли, политики – разве не нахождение покоя, не стремление к обретению утраченного рая?

Обломов не воспринимает "петербургскую жизнь",

которая для него слишком холодна, лишена души, направлена на карьеру и деньги. У него совсем иные идеалы, а потому он для себя решает, что лучше остаться тем, кто он есть, сохранив человечность и сердечную доброту, и не став черствым и бессердечным суетным карьеристом.

Обломовщина звучит упреком такому устройству жизни. Все надежды, тревоги, ожидания, море страстей и чувств Обломов отклоняет. Он умирает один, без борьбы и надежды, без победы и поражения. Эпикурец не имеет нигде пристанища, он оставлен на самого себя, все его радости – в нем самом. Он спокоен, когда все вокруг шумит, волнуется и не знает своего смысла. В бурном море жизни он спокойно чувствует свою внутреннюю свободу и независимость.

Печать трагической безысходности лежит на обломовском скепсисе. Он хотел достичь высоты, бесстрастия, величавого покоя, к которому так стремились античные философы. Можно сказать, что скепсис Обломова является философией отчаяния, следствием мировой духовной катастрофы. Психологически, это состояние атараксии, отсутствие мятежности, бездействие, не духовная смерть, а покой. Метафизически здесь не состоялось нечто большое, внутренняя оживляющая сила ушла из мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солопова М. А. Атараксия // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Мысль, 2010.
2. Федяев Д. М. Литературные формы приобщения к бытию: монография / Д. М. Федяев. ? Омск : Издво ОмГПУ, 1998. ? 141 с.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во политической литературы, 1977. – 304 с.
4. Бур М. Притязание разума. Из истории немецкой классической философии и литературы / М. Бур, Г. Иррилиц. – М. : Прогресс, 1978. – 322 с.
5. Гайденок П. П. Парадоксы свободы в учении Фихте / П. П. Гайденок. – М.: Наука, 1990. – 128 с. – (Немецкая классическая философия. Новые исследования).
6. Дружинин А. В. Обломов / А. В. Дружинин // Роман И. А. Гончарова в русской критике: Сб. статей. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 106–125.
7. Орехов С. И. Метафизика возможного мира в русской художественной литературе / Б. В. Емельянов, С. И. Орехов // Грани русской философии: поиски смыслов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 140–144.
8. Краснощекова Е. А. "Обломов" И. А. Гончарова / Е. А. Краснощекова. ? М. : Художеств, лит., 1970. ? 95 с.
9. Лосев А. Ф. Русская философия / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет // Очерки истории русской философии. ? Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. ? 592 с.

© Сунь Личжэнь, (slzshxy@163.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

